

Владимир Владимирович Ёлкин

Узнавать о прошлом можно тремя способами: по художественным произведениям, по документам и документальной литературе, но свидетельства очевидцев занимают особое место: их рассказы свободны от влияния «внешних» сил разного плана. Личные впечатления изредка не полностью соответствуют правде в виду того, что одни и те же события по-разному проявляются в разных местах и по-разному воспринимаются людьми в разных ситуациях. Но эти «мелочи» не искажают существо фактов. Дальнейшее приблизительно соблюдает последовательность событий, но излагаемые факты объединяются тем, что относятся к блокадному Ленинграду.

Как встретил Ленинград известие о начале войны, я не видел: жил в поселке имени Ленина, расположенном около ныне действующего Сергиевского монастыря. Царица Елизавета в середине XVIII века переселила из Ярославской губернии шесть крестьянских семей, образовалась Сергиевская Пустынь, население которой снабжало монахов пищей. Для справки: Сергиевский монастырь расположен на дороге в Петергоф, за 1,5 км до Константиновского дворца в Стрельне. Моя мама родом из Страшных, родилась и выросла в Стрельне (поселок после войны был введен в Стрельну, а Стрельна, немного погодя, в Петергоф). Кстати, в годы советской власти дворец был отдан молодежи, где бывали танцы, ставились спектакли и проч.

Не успев родиться, я уже ездил к бабушке в поселок на трамвае маршрута № 28, который проходил сквозь всю Стрельну до Львовского дворца (сейчас трамвай маршрута № 36 доходит до Старой Китенки, не заходя в Стрельну).

Маршрут № 28 начинался от Невского проспекта и проходил вблизи Пяти Углов, где находится и сейчас мой родной дом и в нем живут потомки Ёлкиных.

Вскоре после начала войны между поселком и Финским заливом в том месте, где сейчас находятся корпуса Макаровка, установили батарею 76-миллиметровых зенитных пушек, и я видел, как снаряд попал прямо в середину немецкого самолета, и крылья раздельно, в отрыве от корпуса падали вниз.

Собирая во второй класс, мама отвезла меня в город, сама на другой день вернулась к бабушке. И тут начался воздушный бой над дорогой в город. Мама успела вскочить в последний трамвай, вожатый был сильно испуган, включил контроллер на полную мощность и не тормозил до самого города. Пассажиры боялись: как бы провод не перебило. После войны выяснилось, что этот трамвай действительно был последним: разбитые составы стояли лицом от города.

Население поселка работало на Пишмаше и на Кировском заводе. На следующее утро все двинулись пешком на работу и в зоне Пишмаша попали под высадку десанта. Мой дядя погиб от удара приклада автоматчика. На шоссе горели машины, бойцы не были вооружены – ведь бои шли далеко, за Ораниенбаумом. Спротивления десанту никто не оказывал. Немцы дошли до больницы Фореля – теперь Кировский жилгородок. Несколько немецких солдат проникли по берегу залива на территорию Кировского завода, где были перебиты не то охраной, не то рабочими (так рассказал мне мой дед, старый путиловец). Говорят, что до Нарвских ворот доехал немецкий мотоциклист, а кто-то утверждал, что танкетка. До площади Урицкого оставалось около 10 минут хода (площадь Урицкого – Дворцовая ранее и сейчас).

Место высадки немецкого десанта оказалось местом начала образования немецкой дуги, блокирующей город.

Бой переместился к северу, к Урицку (Лигову), однако Жуков успел выставить на пути немцев роту курсантов НКВД (теперь МВД), если в город немец не зашел, то окончательно блокадная дуга была образована 8 сентября 1941 года в городе Шлиссельбурге.

С севера финская армия образовала вторую дугу, оставив нам часть побережья Ладоги от Морозовки до Никуляс.

В действительности было почти так: я всё видел глазами своих родных и жителей поселка, многое – немедленно, в тот же день, мне рассказавших о произошедшем. Дополнение узнал после войны от жителей поселка.

Последнее, что можно было купить в Ленинграде без карточек, была чечевица и консервы СНАТКА, распроданные без ажиотажа, так как никто не мог предположить даже в сентябре, как всё обернется.

Первые бомбежки. Ходили смотреть на разрушенные дома. Рассказывали, что в дом на Фонтанке попала бомба, прошла несколько перекрытий, не разорвалась и улеглась на кровать. Жильцы, вернувшиеся из бомбоубежища, были весьма изумлены.

Вначале население пряталось в подвалах, оборудованных под бомбоубежища, однако несколько случаев засыпки людей разбомбленными стенами и перекрытиями и гибель всех там находящихся от прорыва канализации от этого отучила.

Помню, однажды наш дом так сильно потрянуло, что мы все подумали: в наш дом попала бомба. Но оказалось, что была разрушена часть банка, находящегося за нашим домом. На другой день мы увидели вместо внешней стены внутреннюю, на которой висели пальто, часы, еще что-то. Но не было перекрытия, не было людей, что работали в банке ночью.

На месте многих разрушенных домов были разбиты скверики, сейчас они заняты кофейнями и другими частными торговыми постройками, например, угол Московского проспекта и 5-й Красноармейской улицы. В саду Олимпия в одну ночь был сметен кинотеатр «Олимпия» вместе с аппаратурой и копией фильма «Подруги»: фильм и сейчас иногда показывают по ТВ.

За всё время блокады проспект 25-го Октября (ранее и ныне Невский проспект) пострадал мало. Была бомбой на проезжую часть высыпана часть фасада Куйбышевского райкома ВКП/б/ (дом находится у Аничкова моста, против дворца Белосельских-Белозерских).

Фасад разрушенного здания был немедленно зашит фанерой и на листах фанеры был нарисован фасад.

Вторая бомба упала на середину проезжей части против кинотеатра «Колизей», но не взорвалась. Я видел утром, как, сбавляя ход, мимо взрытого асфальта проходили трамваи.

На проезжую часть упал также снаряд около Публичной библиотеки, к несчастью, прямо под выезжающий с улицы 3-го июля (теперь и ранее – Садовой). Последствия не нуждаются в описании.

В том месте, где сейчас сохраняется надпись «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна», не упало ни одного снаряда.

На набережную Фонтанки или в Фонтанку (не помню) попал снаряд, и его осколки оставили следы на постаменте для клодтовского коня. А клодтовские кони были предусмотрительно зарыты в саду Аничкова дворца.

Нет человека, который не знал бы о тех трудностях с продовольствием в блокадном Ленинграде. Отягощали дело ошибки руководства города: например, весь сахар был свезен из благих соображений в деревянные бадаевские склады. Один ящик (72 шт.) небольших зажигательных бомб сделал свое черное дело, помог мороз, заморозивший пожарные шланги.

Зажигалки много вреда обычно не приносили: население, включая детей, дежурило на крышах, во дворах и тушило их очень успешно. Даже я сумел справиться с двумя из них, схватив щипцами и закинув в большую бочку с водой.

Дежурить было опасно: с неба сыпались осколки от наших снарядов, которые летели на 6 км вверх, разрывались и создавали завесу для немецких бомбардировщиков. В нашем дворе погибла дворничиха.

Самое плохое время для снабжения города продовольствием было с 25 ноября. Как-то три дня не выдавали хлеба, машины не могли начать ходить по льду Ладоги: лед прогибался. И всё же пришли первые машины с мукой, которую направили прямо на хлебозаводы.

Разрешалось выдавать хлеб на сегодняшний и завтрашний талон.

Руководство решило показать свою справедливость, и людям был выдан хлеб за пять дней сразу. Организм не принял такое количество еды, и очень многие погибли.

Совершившееся объяснилось очень просто. Всё партийное руководство и власть снабжались всевозможными продуктами с помощью эскадрильи «Дугласов». Один из цехов фабрики им. Крупской выпускал для них довоенные конфеты: «Мишка на севере», «Грильяж» и т. п. Они не понимали, что такое голодный человек, каким стал его желудок от малой пищи в течение большого периода.

Недавно, в одной из передач по телевидению, посвященной очередной годовщине снятия блокады, было сказано, что была расстреляна бригада поваров, обслуживающих Смольный, только за то, что к обеду были поданы холодные булочки. Даже мне, видевшему и слышавшему очень много, в это не верится. Но ведь и придумать такое...

Мой отец, имевший броню, добровольно ушел в армию и, пока не поправился, обучал новобранцев-дистрофиков на пункте всеобуча при Фрунзенском райвоенкомате и по делам службы не раз бывал в райкоме. Работники последнего, не стесняясь, пили чай, например, с бутербродами из свежей колбасы и белого батона. Их не волновало, что голодный человек не мог без выделения слюны видеть даже случайное жевательное движение другого человека. А тут...

В самые трудные 30 дней блокады на рабочую карточку выдавалось в день 250 граммов хлеба и 50 граммов крупы, по 50 г сахара, масла и мяса. Для сравнения: в наши дни в минимальную продовольственную корзину входит 300 г хлеба и крупы и по 60 г других основных продуктов(!). Но с 25 декабря нормы были увеличены.

В те суровые дни в городе работали всего несколько бань: работал обычно один класс, в котором одновременно мылись мужчины и женщины. Но при этих банях главными были санпропускники, через которые пропускались все заподозренные во вшивости. Их жилища обязательно дезинфицировались. Может быть, только из-за этого в городе не было эпидемий, многие хроники избавились от своих болезней: врагам организма не хватало питания, и они погибали.

Подача электричества в жилые дома прекратилась задолго до морозов. Вначале отец подключал автомобильные лампочки, они светили, но не долго. Потом и остатки напряжения от 127 вольт исчезли полностью. Город перешел на коптилки, зажигалки, на очень маленькие и слабые фонарики, на лацканах стали носить светящиеся ночью бляхи. В комнатах устанавливались буржуйки. Всему этому способствовала промышленность города(!).

Зимой жильцы коммунальных квартир съезжались в одну комнату и топили в ней буржуйку сообща.

Зима была жестокой, морозной, голодной. Не только электричество, но отсутствовала также вода, не работала канализация. Нечистоты выносили во дворы и сливали в открытые люки. Но город жил, работал,

очень большие километры жители проходили пешком до мест работы. Многие перешли на казарменное положение, другие ночевали прямо у станков в холодных цехах с пробитыми стенами и выбитыми окнами.

За станками стояли и дети, начиная с 13 лет, точили корпуса мин и снарядов, стоя на ящиках-подставках. Они также не имели права опаздывать, не выполнять нормы взрослых. В случае чего с ними обходились по законам военного времени.

Все основные магистрали (тротуары и проезжую часть) с 5 утра расчищали от снега женщины-дворники. По несколько женщин впрягались в лист фанеры со снегом и к 7 утра сволакивали всё во дворы. На работу люди шли по чистым тротуарам. За чистотой следил квартальный милиционер, в снегопад ходил по квартирам и будил дворников.

Очень много ныне затрачено бумаги и голосовой энергии на обсуждение вопросов, связанных с уборкой улиц и дворовых территорий. В самую трудную зимнюю пору в Ленинграде этот вопрос решался организованно и просто. Когда выпадал снег, то в пять утра по месту жительства дворничих проходил участковый милиционер и ЗВОНИЛ в двери, подымал женщин-дистрофиков. На фанерном листе, впрягаясь в удобное и простое транспортное средство, вытаскивали снег с проезжей части и с тротуара на ЗАДНИЙ двор. Передний двор тоже прибирался, но позже.

В семь утра люди шли на работу не по снегу.

Выше было выделено слово «звонил». Но электричества не было. Очень быстро промышленность Ленинграда в условиях блокады организовала выпуск звонков-вертушек, как и маленьких фонариков, светящихся нагрудных знаков для перемещения на улицах города.

Автору этих строк пришлось в 10,5 лет работать в подсобном хозяйстве, где работала мать. Два поля находились на Дороге Жизни у Мельничного ручья. Женская разновозрастная команда работала с энтузиазмом, хотя подгонял не было. Я был среди детей самый старший, и мне было неудобно не помогать женщинам. По собственной инициативе качал ручным насосом воду для полива, возил из поселка известное удобрение на поля, перекапывал вручную картофельное поле: за день работы набиралось восьмилитровое ведерко. Ценность большая.

К нам приходили «отдыхать» разбитые в пух и прах войска из-под Синявина: неудачная попытка прорыва блокады. Строили землянки, привлекали к себе нас, детей. Не обижали женщин. Мы с ними смотрели передвижное кино: фильмы «Золотой ключик», «В старом Чикаго», документальный «Иран», в котором говорилось о боях американцев с немцами.

На поезде я ездил в Ваганово, в армию к отцу. Его дивизион был там расквартирован, отец жил у бабы Груни, в последнем доме перед тем местом, где зимой машины съезжали на лед Ладоги. Местные мальчишки мне много рассказали о той зиме: как мимо них ходили машины с продовольствием, как одна бомба попала прямо в грузовик с шоколадом, где стояла пропускная землянка у съезда на лед, и другое.

Кстати, в начале отцов дивизион стоял на улице Решетникова, где сейчас кольцо 15-го троллейбуса. Здание цело.

Меня пропускали сквозь баррикады на окраинных улицах к отцу, по Международному проспекту (проспект Сталина, Московский проспект теперь) только до виадука, так как туда можно было пройти без особого пропуска.

Осенью 1941 года я пошел в свою 30-ю школу во второй класс, но учились мы в бомбоубежище. Потом мы узнали, что учительница погибла при бомбежке, и на том вся учеба и закончилась. Второй класс я снова начинал в той же школе, которая по общей нумерации стала 318-й, а затем 319-й, превратившись в женскую.

Третий и четвертый классы я проходил, числясь в школе при педучилище им. Некрасова, здание школы и сейчас находится на Лештуковом переулке. Но из-за экономии теплоносителей классы были распределены между другими школами, и я учился в 321-й и 314-й школах до конца войны.

Не могу утверждать, что в блокадном Ленинграде жили только ангелы, хотя если бы большинство населения не вело себя достойно, город бы не выстоял. Но были и мародеры, были и те, кто пользовался своим служебным положением и доставал продукты питания и для себя и для своих родственников. К тому же учет продуктов не всегда был на высоте. Например, даже изготовление фальшивых продуктовых карточек было вначале поставлено на широкую ногу (особенно в начале).

В нашем городе люди не русской национальности не первый раз оказываются у злчных мест. В Ленинграде эти люди назывались весьма деликатно — французами. В 1929 году Сталин запретил деятельность в СССР мировой сионистской организации и жестоко стал карать тех, кто назовет евреев жидами. 10 лет без права переписки, без особых разговоров.

В целом ленинградцы относились к людям любой национальности весьма лояльно. И в войну многие евреи приносили большую пользу стране, народу. Вспомним военные песни Прицкера, Покрасс, Дунаевского. Их пели даже в горе. Они подымали дух, преуменьшали тоску по родным...

В моем классе учился довольно известный позже в Ленинграде конференсье Борис Иоффе. Каждый день он приносил в класс два бутерброда из белого батона, масла и колбасы. Стоили эти бутерброды очень дорого, да их было и не найти к тому же. По бутерброду получали два переростка, якобы за то, что не будут Борю обижать.

Позже я узнал, что мать Бори была обыкновенной аптекаршей, имела доступ к дефицитным лекарствам (например, тогда – к пенициллину).

В 1942 году по Загородному проспекту изредка проезжал маленький заводской паровозик, называемый за своеобразный гудок кукушкой. Но к весне сначала стали ходить грузовые трамваи, развозя по магазинам продовольствие. А вскоре вышли на маршруты перенесшие тяготы зимы трамваи. Окна были забиты фанерой, бока обшарпаны. Это событие было встречено как признак близкого освобождения от блокады. Более того: как-то очень быстро распределенные между работающими заводами трамваи по очереди были не только прекрасно отремонтированы, но даже модернизированы: были установлены закрывающиеся двери, обозначение маршрута и сигнальные огни спрятаны за ветровое стекло. Я тогда изездил весь город, пока мама была на работе.

Простоявшие без движения троллейбусы с улиц перевозились в парк с помощью моторных вагонов трамвая: элементарно перекидывался силовой кабель, и троллейбус безропотно следовал рядом с вагоном.

Трамваи по городу передвигались тихо: на контроллере были установлены ограничители хода пускового рычага. Электричество подавалось в весьма ограниченных количествах по подводному кабелю с Волховской ГЭС.

Начало полного снятия блокады ленинградцы заметили сразу, как только началась артиллерийская канонада. Утро было солнечным, слегка морозило, лица ленинградцев были светлыми.

Наступление началось от дворца Советов (ст. м. Московская), вдоль Киевского шоссе на Гатчину (Слуцк), Лугу. Начальный прорыв блокады от Шлиссельбурга к Волховскому фронту ленинградцы не слышали, но поезда, прибывавшие к Финляндскому вокзалу по быстро построенной ветке от ст. Жихарево, дали о себе знать через прибавку к нормам выдачи продовольствия.

Станция Жихарево – последняя станция, куда подвозили в блокаду продовольствие с Большой Земли для Ленинграда на поездах. Там начиналась Дорога Жизни. Груз на машинах свозился на берега каналов поселка Кабона, на берегу озера укладывался в штабеля. За грузом приходили уже ленинградские машины, грузились, сваливались на лед каналов и по ним выходили на ладожский лед. Ехали ночью, с зажженными фарами и с открытыми дверцами кабин. Страшнее немецких самолетов оказывались пробоины во льду, нередко машины проваливались в них и не все водители успевали открыть дверцу и выскочить.

Дорога Жизни заканчивалась у станции Ржевка, пройдя Борисову Гриву, Рахью, Всеволожск и Бенгардовку.

Возможно то, что я хочу еще рассказать, является очень частным, однако и в войну встречались весьма интересные совпадения.

Однажды мама возвращалась с завода домой, торопилась к своим двум сыновьям. Рядом с ней шла работница завода. Вдруг на Литейном мосту разорвался снаряд. Мама была контужена (до конца своих дней), у попутчицы осколком был вырван кусок самого мягкого места на теле человеческого.

Приблизительно в то же время отец со своим подчиненным отошли в сторону в целях большого облегчения. Также неожиданно рядом разорвалась мина, отец был контужен, у соседа осколком вырвало значительную часть ягодицы.

После снятия блокады и выгона финнов из Лемболова женщин направили на дровозаготовки для завода. Чтобы меньше приходилось пилить, мы, дети, бегали по лесу в поисках заготовленного финнами березового швырка. Лес был напичкан боеприпасами, дороги были заминированы. О последнем мы знали. К счастью, мины были рассчитаны на технику, а не на детский вес. Но могло быть и очень плохо.

Еще много чего помнится о войне, даже напрягаться не надо. Возможно, не упомянутое многим показалось бы более интересным. Но – как вышло. Приятно было писать об отношениях между людьми, о не показной, скромнейшей преданности Родине простых людей. Но было и о чем подумать с большой горестью. Это думы о нынешней ситуации в стране, об отношении людей в мире к нашему народу, к русскому народу, в частности.

Мы заплатили не менее сорока миллионами жизней за нашу Победу. Сумели восстановить страну. И вдруг всё это пропало, те, кто вырастил нынешних «преобразователей», оказались в страшнейшем положении: можно сказать, что чисто в денежном выражении их унизили в 10 раз, о степени морального унижения даже не приходится говорить.

Если посмотреть на образование при советской власти, то можно отметить большую заботу о нем со стороны правительства, начиная с 1921 года готовили технически грамотных людей опытные производственники «с педагогическими наклонностями». Несколько поколений преподавателей ЛИТМО либо работали на производстве, либо имели тесные связи с ним. В шестидесятую годовщину Победы ветераны ЛИТМО не нашли в институте преподавателей, которые учили бы тому, что сами делали в реальности (возьмите праздничный выпуск нашей газеты и прочтите статьи об этом). И это является общим бедствием России: вспомним Чернобыль, «Курск», «Комсомолец», самолет с башкирскими детьми, донецкие трагедии под землей и в воздухе. Это всё действие «человеческого фактора», а точнее сказать – отсутствие образованности. Учить надо уча, то есть, объясняя, приучать думать, сопоставлять, делать правильные выводы. Без практики этого не добиться, больше, чем на тройку, не выучишь (я бы лично для технических дисциплин оставил бы оценки «хорошо» и «отлично»).